

Эльдар Рязанов

Гуманист по призванию

Прошло двадцать лет с того дня, когда фильм Федерико Феллини «8½» получил Большой приз III Московского международного кинофестиваля за выдающуюся творческую, режиссерскую работу, в которой он отражает внутреннюю борьбу художника в поисках правды. За эти годы Феллини снял еще десяток картин, каждая из которых в той или иной мере создана художником «в поисках правды». Лучшие из них вошли в программу ретроспективы Федерико Феллини, проведенную в рамках XIII Московского фестиваля, как бы подытоживая сделанное великим итальянским режиссером на сегодня. В этой связи мне и хотелось бы сказать о нем несколько слов.

В жизни я видел Феллини всего один раз, в Риме, когда брал у него интервью для «Кинопанорамы». Два года назад я был в Италии в частной поездке и решил совместить приятное с полезным — сделать выпуск «Кинопанорамы», целиком посвященный итальянскому кинематографу. В него вошли интервью со многими известными деятелями кино — с Альберто Сорди, с Моникой Витти, с Родольфо Сонего, с Тонино Гуэрра, с Франческо Роззи... Но, не в обиду другим будет сказано, единственным интервью, перед которым я очень волновался, было интервью с Феллини.

Когда я ехал к нему, то прекрасно отдавал себе отчет в том, что еду к «королю». К кинематографическому королю, иначе его не назовешь. И хотя Феллини встретил нашу небольшую съемочную группу более чем радушно, а в конце беседы позвонил при нас Тонино Гуэрра и сказал, что у него сейчас брали интервью весьма милые и симпатичные люди, хотя расставаясь мы с чувством взаимной симпатии, не могу не признаться: ореол, который связан с именем этого режиссера и который, видимо,

Федерико Феллини

прочно внедрился в мое сознание, заставляя чувствовать себя по отношению к нему ну если и не школьником, то, во всяком случае, кем-то в этом духе. Однако сам Феллини в таком моем самоощущении, конечно же, несколько повинен не был.

Федерико Феллини называют гениальным режиссером — и в том нет преувеличения. Но гениальность — это ведь не отметина на лице, и не особый тембр голоса, и не своеобразные манеры... Да, передо мною сидел человек очень

артистичный, очень красивый — как внутренне, так и внешне. Когда я сказал «король», то имел в виду не какую-то важную, надутую персону, высокомерную, разодетую в шелка и бархат... Я имел в виду человека благородного и аристократичного по сути своей — в Феллини это светится. В живом общении ни про кого, по-моему, нельзя сказать — «гений», тем более что человек действительно гениальный всегда прост. И Феллини держался очень естественно, непосредственно, хотя меня поразило, что он тоже волновался. Он был добродушен, он был улыбка, он был обаятелен, ничем не выказывая своего превосходства, но было понятно, что цену себе он знает. А как известно, простота и скромность в сочетании с чувством собственного достоинства как раз и делают человека в глазах окружающих значительным. Может быть, поэтому он мне напомнил Козинцева, моего учителя, хотя они совершенно непохожи. И все-таки в манере держаться у них есть что-то общее.

Феллини назначил нам встречу у себя в кабинете, не в квартире, а в офисе, расположенном в центре города. Стены кабинета увешаны рисунками хозяина — акварелями, эскизами костюмов. Идею и образы будущего фильма Феллини всегда предварительно воплощает в огромном количестве набросков, эскизов. Иногда бывает и наоборот — образ может возникнуть сам по себе, как было, например, с Джельсоминной, появившейся из рисунка. Атмосфера кабинета Феллини уже с порога настраивала на творческий лад. Этот наш общий настрой в ходе беседы окреп, поскольку мы почувствовали, что к нашему интервью режиссер серьезно подготовился: даже одет он был с какой-то неброской элегантностью, с изысканной простотой. Сразу же посмотрев на свой костюм, я почувствовала себя неуютно. Король — он и есть король. Во всем!

Моя первоначальная неуверенность усугубилась еще и тем, что наша съемочная группа была по своему составу, прямо скажем, дилетантской. Например, телекомментатор Валерий Простаков работал за звукооператора, моя же-на исполняла роль свидетеля, а я, не посвя-

щенный в тайны профессиональной журналистики, вел интервью. Но самая главная сложность заключалась в том, что беседовать нужно было на итальянском. При встречах с другими итальянскими коллегами я практически все понимал, а Феллини говорил об очень тонких, очень сложных вещах, и я, к сожалению, улавливая далеко не все. Феллини же, напротив, будучи по природе своей великим «понимателем» человеческих душ, как отзываются о нем все, кто его лично знает, прекрасно понимал и то, о чем я хотел его спросить, и то, о чем спросить его было необходимо.

В своих ответах он был предельно естествен, то есть отвечал на поставленный вопрос по возможности полно, непринужденно и обстоятельно, слушал очень внимательно, а самое главное, несмотря на всю профессиональную серьезность отношения к общему делу, которым мы с ним вот тут занимались, он каким-то чудом сумел заворочить нас всех ощущением личиного контакта с ним, окрашенного добрым юмором.

Я с удовольствием выслушала такую, например, историю. Когда Феллини впервые побывал в Советском Союзе и получил главную награду Московского фестиваля за «8½», его пригласил к себе С. А. Герасимов. Феллини был очень тронут и польщен тем, что тот собственноручно (то есть своими руками) приготовил в честь гостя итальянское национальное блюдо «равнолик». Только потом он узнал, что его угощали русскими пельменями (оказывается, пельмени и равнолик — одно и то же...). Рассказывал он об этом шуточно и с нежностью.

В общем, очень скоро, несмотря на все подводные и надводные сложности этого интервьюирования, нам всем стало легко и просто...

Вот, собственно, и все мои основные впечатления от встречи с Феллини. Интервью наше было передано телевидению в «Кинопанораме», составив «звездь» выпуска. Феллини не выносит журналистской шумихи вокруг себя в своих фильмах, дает интервью чрезвычайно неохотно. Поэтому сам факт встречи с нами можно считать свидетельством уважительного

и дружественного его отношения к нашей стране, к нашему кинематографу.

Теперь я хочу немного сказать о том, чем для меня является Федерико Феллини — не как собеседник, а как художник. Много лет назад Феллини написал, что «судьба художника — всегда идти вперед, не оборачиваясь назад, созерцая прошлое, не почитая на лаврах». И, обращаясь к его творчеству, нельзя не заметить, что он этой заповеди следует: всегда в движении, всегда в пути. Каждый раз своим новым фильмом он прокладывает новую дорогу в кинематографе. Он не боится рисковать, не смущается тем, что коли не был еще до него такого кино, какое он снял на сей раз, то это может обернуться провалом. Ну, провалов у него до сих пор не было, а все же некоторые его фильмы шли в прокате не очень успешно. Но, несмотря на это, Феллини всякий раз отваживается на риск, идет непроторенным путем, не всегда известным ни ему самому, ни кому бы то ни было другому. И даже во время съемок одной и той же ленты он не останавливается на достигнутом, на заранее продуманном, сложившемся в сознании, в наброске, а уже отснятом материале, наконец. На всем протяжении работы над фильмом Феллини внутренне готов к новому решению, переосмысливая и приспособляя свой первоначальный замысел к конкретным и изменяющимся в процессе постановки условиям, и условиям «кинематографической действительности», складывающимся на съемочной площадке.

Более всего меня поражает в Феллини его невероятная, чудодейственная смелость не только в разрушении сложившихся традиций, канонов (я уж не говорю о стандартах), но и в полной свободе от них, независимости, в союдажни совершенно новых законов, по которым в дальнейшем начинает двигаться и все киноискусство.

Когда смотришь новый фильм Феллини впервые, он выглядит почти всегда неожиданным, непривычным для глаза, для сознания, порой — трудно воспринимается. Но на этого режиссера работает время: проходят год-два — и тот же самый фильм кажется понятнее, проще. Потому что его язык, его образная систе-

ма, его формальный строй уже так или иначе вошли в кинематографический обиход.

Воздействие творчества Феллини на развитие киноязыка огромно. Правда, оно, как и любые великие открытия, заметно девальвировано множеством так называемых последователей. Не слишком ли много (после «Дороги») появилось картин, в которых нетренированно кто-то трубит в трубу или бродят какие-то странные циркачи!.. Эпигоны берут чисто внешнее. Вот и получается так, что явленное Феллини как нечто свойственное ему органически — это часть его мира, он его так видит — вскоре начинает расходиться по свету в оплошном, упрощенном виде. И все-таки, независимо от многочисленных подражаний и даже прямого цитирования, кинематографический язык в последние двадцать лет во многом обогатился за счет огромного вклада, которым мы обязаны художественному дару Феллини.

Наверное, сегодня нет в мире режиссера, который — в большей или меньшей степени, напрямую или опосредованно — не испытал бы на себе воздействия титанических творений Феллини. О себе скажу, что, хотя я и работаю в других жанрах, пристрастен к другой кинематографической образности, тем не менее влияние его сказало, конечно, и на сделанном мною. Как — конкретно? Самому трудно за эти проследить. Но ведь я могу даже не осознавать, не фиксировать мысленно, какое именно воздействие оказывает на меня, и при этом, тот же Феллини. Быть может, оно реализуется как-то подсудно... Вспомним, однако, что Феллини начинал в русле неореализма, а неореализм повлиял на меня даже не отраженно, а самым непосредственным образом.

Когда я думаю о фильмах Феллини, то чаще других вспоминаю «Ночи Кабрини» и «Дорогу», которые остаются для меня непревзойденными шедеврами. Хотя, разумеется, и «8½», и «Рим», и «Амаркорд», и «Репетиция оркестра» — великодушные произведения. Картина «Казанова» кажется мне тоже очень интересной, но не целиком, а местами. А вообще-то, честно сказать, не все фильмы этого режиссера меня покоряют, есть и такие, которые я либо не принимаю, либо, что вполне ве-

роятно, не понимаю. Например, от «Сатирикона» у меня осталось впечатление какой-то вымороженности, искусственности. Но даже если тебе что-то и не нравится и ты чего-то не привнесешь, отрицать, как в данном случае, что фильм зрелищно впечатляет, что он раскатывается на могучей волне таланта, невозможно. У другого режиссера, будь он не столь талантлив, те же самые модели могли бы стать манерничаньем, пустым ломаньем — у Феллини же сила внутренней убежденности и сила таланта таковы, что они захватывают и покоряют любого зрителя, даже такого, которому — в силу личных вкусов — не дано принять подобное искусство.

В переведенной у нас книге «Делать фильм» Федерико Феллини писал: «...делая фильмы, я стремлюсь лишь следовать своей природной склонности, то есть рассказывать средствами кино всякие истории, которые я люблю придумывать, закручивая в один запутанный клубок и правду, и фантазию, и желание поразить, исповедаться, самооправдаться, и обыкновенную жажду нравиться, привлечь к себе внимание, быть пророком, свидетелем, клоуном... смеяться и волновать». Прогни таких ярых сторон «природных склонностей» невозможно устоять даже самому неподготовленному, самому невосприимчивому зрителю!

Фантастическое преображение реальности, реальность самой невероятной фантазии, проникновение в глубины человеческого духа, подсознания не только через словесный ряд, через характер героя, но и через особую пластическую образность — все это Феллини одним из первых сумел воплотить на экране. Феллини рассказывал нам, что ему снятся удивительные сны и он часто делает эти сны предметом своего искусства. Он полагает, что настоящим реалистом может быть только фантазер: «ведь фантазер свидетельствует о событиях, являющихся его реальной действительностью, то есть самым реальным из всего, что есть на свете». В этом высказывании нет ничего от хитроумного софизма: просто герой Феллини оказывается в них измерениях реальной действительности, которые и есть суть его реальности. К тому же художественный

мир, создаваемый на экране, пронизан и сплавлен индивидуальностью самого автора, поэтому, несмотря на абсолютную подчас фантастичность происходящего, от фильмов Феллини всегда остается очень сильное ощущение правды искусства. И правды жизни...

Говоря о Феллини, принято подчеркивать гуманизм его творчества. Но, по-моему, это само собой разумеющееся свойство каждого великого художника. Оно не может считаться чьей-то индивидуальной отличительной чертой. Ведь нельзя же сказать, что у Толстого любовь к человеку свойственна всем большим художникам. Феллини, который как раз и занимается по преимуществу исследованием человеческой души, который стремится воплотить на экране человека во всей его сложности и диалектичности — гуманист естественный. По природе своей и по призванию. Поэтому, говоря о Феллини, стоит обратить внимание на сам факт безусловной приверженности гуманизму, гуманистическому искусству, а не его направленности. Феллини однажды заметил: «Я выражаю надежду, а не отчаяние». Вот отличительная черта его ярчайшего дарования! Феллини верит в человека, верит в его способность победить процесс распада, душевное отчаяние, опустошенность, верит в земные радости, в обновление, в возможность гармонии. Наверное, поэтому его фильмы так часто завершаются всеобщим праздником. И здесь самое главное, на мой взгляд, то, что картины Феллини (это касается не только «8½»), несмотря на обильные вымыслы и «логичные сновидения», которыми они насыщены, есть акт подлинного и честного самораскрытия художника. А это, в свою очередь, означает, что Феллини себя и свое творчество предлагает в качестве одной из опорных точек в мире хаоса и безумия. И пафос его личности, его творчества является столь мощным и убедительным, что хочется вслед за Феллини и вместе с Феллини призвать «всех художников, ученых, всех людей... по силе возможности совершенствоваться в целях всеобщего блага».